

с. 2.

Люди въ футлярахъ.

(А. П. Чеховъ. *Человѣкъ въ футлярѣ.*
Русская мысль. VII. 1898 г.).

Всѣ сказки, написанныя Щедринымъ, великолѣпны. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними должно принадлежать «Премудрому пискарю». Кто не помнитъ этой остроумной, глубоко продуманной сатиры?

Обстановка, въ которой протекаетъ пискарья жизнь,—безпощадная борьба за существованіе, гдѣ постоянно рискуешь всѣмъ и очень рѣдко завоевываешь что нибудь. Между обездоленными и униженными пискарь, по-видимому, самое жалкое, самое беззащитное созданіе. «Куда ни обернется, вездѣ ему мать. Кругомъ, въ водѣ, все большія рыбы плаваютъ, а онъ всѣхъ меньше; всякая рыба его заглотить можетъ, а онъ никого заглотить не можетъ. Да я не понимаю: зачѣмъ глотать? Ракъ можетъ его клешней пополамъ перерѣзать, водяная блоха—въ хребетъ впиться и до смерти замучить. Даже свой братъ пискарь—и тотъ, какъ увидитъ, что онъ комара изловилъ, цѣлымъ стадомъ такъ и бросится отнимать».

Щедринскій пискарь родился такимъ же слабымъ, какъ и всѣ его собратья. Но у него былъ отецъ, много видѣвшій на своемъ вѣку добра и зла, и завѣщавшій сыну правило: «когда хочешь жизнью жуировать, то гляди въ оба». Молодому пискарю глубоко запало въ сердце отцовское наставленіе. Сотнями предосторожностей и ограниченій онъ оградилъ себя отъ козней злодѣйки-судьбы. «Первымъ дѣломъ нору для себя такую придумалъ, чтобъ ему забраться въ нее было можно, а никому другому—не влѣзть!... Вторымъ дѣломъ насчетъ житія своего размыслилъ такъ: ночью, когда люди, звѣри, птицы и рыбы спятъ—онъ будетъ моционъ дѣлать, а днемъ станетъ въ норѣ сидѣть и дрожать. Но такъ какъ пить-ѣсть ему вѣстки нужно, а жаждованія онъ не получаетъ и прислуги не держитъ, то будетъ онъ выбѣгать изъ норы около полдень, когда вся рыба ужъ сыта, и Богъ дастъ, можетъ быть, козявку-другую и промыслить. А ежели не промыслитъ, такъ и голодный въ норѣ залезетъ и будетъ опять дрожать».

Такимъ образомъ онъ прожилъ сто съ лиш-

нимъ лѣтъ. Онъ и не замѣчалъ, что, слѣпою строго придерживаясь отцовскаго наставленія, онъ впадалъ въ противорѣчіе самимъ. Средство стало для него цѣлью. Отецъ говорилъ: гляди въ оба—для того, чтобы жуировать жизнью. А онъ, на дѣлѣ, для того только и существовалъ, чтобы глядѣть въ оба. «Онъ жилъ и дрожалъ—только и всего»... Но вотъ подошла смерть. Сталъ пискарь вспоминать прожитую жизнь, и горькія думы овладѣли имъ. «Какія были у него радости? Кого онъ утѣшилъ? кому добрый советъ подалъ? кому доброе слово сказалъ? Кого пріютить, обогрѣть, зацѣпить? кто слышалъ объ немъ? кто объ его существованіи вспомнить? И на всѣ эти вопросы ему пришлось отвѣчать: никому, никто». Все время онъ только собирался жить, но не жилъ совершенно. Онъ понималъ существованіе только съ одной стороны—отрицательной. Всѣ его помыслы, вся дѣятельность были направлены на одну цѣль—увернуться отъ гибели. Ничего положительнаго онъ не умѣлъ извлечь изъ жизни. «Вѣдь этакъ, пожалуй, весь пискарій родъ давно перевелся бы»—сознаетъ онъ, когда пришло время сводить счеты съ жизнью.—«Потому что для продолженія пискарьяго рода прежде всего нужна семья, а у него ея нѣтъ. Но этого мало: для того, чтобы пискарья семья укрѣплялась и процвѣтала, чтобы члены ея были здоровы и бодры, нужно, чтобы они воспитывались въ родной стихіи, а не въ норѣ, гдѣ онъ почти ослѣплъ отъ вѣчныхъ сумерекъ. Необходимо, чтобы пискари достаточное питаніе получали, чтобы не чуждались общественности, другъ съ другомъ хлѣбъ-соль бы водили и другъ отъ друга добродѣтелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь можетъ совершенствоваться пискарью породу и не дозволить ей измелѣчать и вырождаться въ снѣтка».

Эту аллегорію не трудно понять и безъ особеннаго напряженія ума. Милліоны людей поставлены ходомъ общественной жизни въ такія условія, при которыхъ очень и очень многіе изъ появляющихся у нихъ запросовъ и потребностей остаются безъ удовлетворенія. Невзгоды разбиваютъ тысячи надеждъ, погашаютъ массу силъ и создаютъ массу разочарованій. Трудная борьба уноситъ много безплодныхъ жертвъ. У болѣе слабыхъ, болѣе

изнуренных зарождается желаніе отдѣлаться отъ этой борьбы—хотя бы цѣною ограниченія потребностей и стремленій. Чѣмъ менѣе требованій они стануть предъявлять къ жизни, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе осуществятся ихъ цѣли. тѣмъ легче борьба и незначительнѣе опасность. Всѣ свои желанія они стараются втиснуть въ узкія рамки, лишь бы риска было меньше. «Ибо лучше не ѣсть, не пить, нежели съ сытымъ желудкомъ жизни лишиться». Приниженіе, самоограниченіе личности доходить до того, что вся она какъ бы укладывается въ тѣсный футляръ, боясь выгладнуть изъ него на бѣлый свѣтъ. Люди «жить—дрожать и умирають—дрожать». Жизнь не стоитъ на мѣстѣ. Условія ея измѣняются, казавшееся недостижимымъ становится доступнымъ, мечты превращаются въ дѣйствительность, желанное будущее въ осуществившееся настоящее, а они все не оставляютъ своего футляра, гдѣ нѣтъ мѣста для новыхъ запросовъ и новыхъ вѣяній.

Пока «люди въ футлярахъ» подыскиваютъ футляры для самихъ себя, они сами главнымъ образомъ отъ этого и страдаютъ. Но они становятся крайне вредны, когда возводятъ самоограниченіе въ обязательное для всѣхъ правило и начинаютъ «глядѣть въ оба» не только за себя, но и за другихъ.

Недавно написанный А. П. Чеховымъ рассказъ «Человѣкъ въ футлярѣ» изображаетъ того же пискаря, оставившаго пассивную роль и превратившагося въ убѣжденнаго поборника принципа «какъ бы чего не вышло». Рассказъ написанъ мастерски, хотя въ художественномъ отношеніи уступаетъ нѣкоторымъ другимъ рассказамъ талантливаго писателя. Онъ вызвалъ массу толковъ и въ печати, и среди читающей публики, что въ значительной степени должно быть отнесено на счетъ интереса разработанной темы.

«Человѣкъ въ футлярѣ»—Бѣликовъ. Онъ состоялъ учителемъ греческаго языка въ одной провинціальной гимназіи. «Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непременно въ тепломъ пальто на нѣтъ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и когда онъ вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ

чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротничокъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ вѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни». Все его міросозерцаніе представляло систему ограничительныхъ положеній. «Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно; опредѣленно; запрещено—и баста. Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что то недосказанное и смутное». Когда Бѣликовъ умеръ, всѣ почувствовали какъ бы нѣкоторое облегченіе. Этотъ трусливый человѣкъ держалъ всѣхъ въ вѣчномъ страхѣ. «Мы учителя боялись его—передаетъ одинъ изъ его товарищей.—И даже директоръ боялся. Вотъ, подите же, наши учителя все народъ мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ; однакоже этотъ человѣкъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ 15 лѣтъ. Да что гимназію! Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія 10—15 лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего».

Нѣкоторыя индивидуальныя черты характера Бѣликова указываютъ на извѣстную ненормальность его душевнаго склада. То, что онъ не выходилъ изъ дому безъ зонтика и калошъ, что

„Жизнь и искусство“ (Киев), 1898, 24 октября,

№ 294, с. 2.

спать, укрывшись съ головой, что перочинный ножик содержался у него въ чехлѣ—все это были лишь причуды. Ночью «ему было страшно подѣлать. Онъ боялся, какъ бы чего не вышло, какъ бы его не зарѣзалъ (поварь) Афанасій, какъ бы не забрались воры». Этотъ постоянный страхъ—боязнь. Но для того, чтобы стремленіе запертаты всѣ мысли и желанія въ футляръ могло развиваться въ такую стройную, цѣльную систему—необходима извѣстная виѣшняя среда. Воспитаніе, наблюденія, жизненный опытъ не разъ, должно быть, указывали Вѣликову на то какъ тяжело иногда приходится людямъ, переставшимъ беспокоиться, «какъ бы чего не вышло». Замѣчали это и другіе, замѣчали все то общество, которое было запугано Вѣликовымъ. Въ то время, какъ другіе нерѣшительно и неопредѣленно произносили «какъ бы чего не вышло», Вѣликовъ отличался отъ нихъ только тѣмъ, что оказался энергичнымъ и сознательнымъ сторонникомъ этого соображенія. Жизнь человека, какъ бы крѣпки ни были у него нервы, входитъ въ футляръ съ того момента, когда онъ начинаетъ удовлетворяться тѣмъ, что есть, и перестаетъ стерпиться къ чему-нибудь лучшему, болѣе совершенному.

Прошло нѣсколько дней послѣ смерти Вѣликова, и жизнь потекла попрежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполнѣ; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Вѣликова похоронили, а сколько такихъ человекъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ». Иначе, конечно, и не можетъ быть. «Весь горьдъ», бывший въ рукахъ у Вѣликова, носить въ себѣ очень много данныхъ для того, чтобы подчиниться — не ему, такъ кому нибудь другому, исповѣдующему тѣ же взгляды. А если не найдется такой назойливый человекъ, какъ Вѣликовъ, то обыватели, по собственному почину, хотя, быть можетъ, и незаметно для самихъ себя, станутъ «глядѣть въ оба» и «дрожать». «А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣсотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?»

«Нѣтъ, больше жить такъ невозможно!» — восклицаетъ ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ. Онъ говоритъ это подѣ вѣннѣмъ разговоромъ о Вѣликовѣ, и на его слова не нужно слишкомъ полагаться. Иванъ Ивановичъ тяготится тѣмъ, что кругомъ него вездѣ футляръ. Но рѣшится ли онъ выбросить этотъ футляръ? Людямъ, которые долго «стерпѣли дождь, сносили обиды, униженія, не смѣли открыто заявить, что они на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей», трудно разстаться съ установившимся образомъ жизни. Они сознаютъ, что нужно выйти изъ этой атмосферы, негодуютъ на нее, но вѣстѣ съ тѣмъ ждуть, не выведетъ ли ихъ какая-нибудь виѣшняя сила.

Интеллигенты, фигурирующие въ произведеніяхъ г. Чехова,—это обыкновенно драблѣ, художонные люди, которыхъ въ концѣ одолѣла тоска жизни. Но въ разсказѣ «Человекъ въ футлярѣ» изображенъ молодой учитель Коваленко, воплощеніе бодрости и энергій. «Эхъ, господа,—говоритъ онъ своимъ сослуживцамъ—какъ вы можете тутъ жить! Атмосфера у насъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чинодрамы, у насъ не хранѣ науки, а управа благоніи, и кислотиной воняетъ, какъ въ полицейской будкѣ».

Надъ однимъ Коваленко не имѣетъ власти Вѣликовъ. «Кто будетъ виѣшиваться—говоритъ откровенный малороссъ Вѣликову—въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ!» Когда Вѣликовъ вывелъ его изъ терпѣнія своей привычкой передавать содержаніе даже самыхъ невинныхъ разговоровъ директору, Коваленко не постѣсвался спустить его съ лѣстницы... Коваленко, конечно, не въ силахъ переделывать своихъ знакомыхъ по образу и подобию своему. Когда нѣтъ опротивѣть ирежисе провабаніе, онъ лишь укажетъ нѣмъ, что жизнь можно устроить совершенно не такъ, какъ они устраивали ее до сихъ поръ.

Верне какъ то сказали: «Нъ благородный человекъ можетъ быть невольникомъ обстоятельствъ, но жалокъ тотъ, кто становится ласкомъ нѣхъ». Убѣдите людей, что они ласки—и это уже не малая заслуга.

В. Ожк.